

ФИЛОСОФИЯ ТРУДА В НОВОМ ОСВЕЩЕНИИ

Отношение «человек—природа», как отношение по существу практическое, выражающееся посредством труда, представляет из себя чрезвычайно сложное жизненное явление. Научная интерпретация его остается в философии одной из ее важнейших задач. Дело в том, что по мере углубления связи человека с природой орудия труда (как средства реализации трудового процесса) модифицируются, возникает сложная гамма ступеней функционального характера, отличающих орудия на каждом новом этапе развития техники. Человек определяет цель и форму протекания процесса до его реального осуществления. К рабочему орудью со временем прибавляются новые звенья производственного процесса, а каждое такое звено присваивает себе новые функции от самого производителя. Так всегда бывало в истории. Качественно такое совершенствование орудий можно было бы представить в виде схемы: Р (ручное орудие) — М (машина) — А (автомат), а количественно как $P-P_1-P_2-P_3 \dots - P_n$ (или $M-M_1-M_2-M_3 \dots - M_n$).

Символы P_n и M_n , обозначающие здесь конечные фазы, наглядно выражают важнейшую особенность соотношения количественно-качественных изменений в развитии орудий труда: образование качественно нового состояния орудия идет путем присвоения каждым качественно новым звеном производящего органа человека человеческой функции труда, но не путем развития орудия в машину или машины в автомат.

Мы позаимствовали эту схему из книги С. С. Товмасыана¹ (стр. 124), о которой речь пойдет ниже. Мы хотели лишь на примере одного стержневого направления роста покорения человеком природы очертить контуры явления, относящегося к компетенции научной дисциплины, именуемой «философией труда».

Понимание диалектического единства человека и орудий труда (машины)—условие для решения ряда актуальных философских проблем, порожденных развитием техники. И С. С. Товмасыан совершенно прав, когда уже с первых страниц книги противоборство философских концепций труда рассматривает в плоскости решения ими вопроса о том, какая форма деятельности человека, обращенная во вне человека, наиболее универсально реализует связи его с природой.

Раздел, обзорающий философские концепции, сравнительно небольшой (стр. 5—20), но достаточно наглядно показывающий приближение философской мысли к научной интерпретации вопроса. Основное внимание уделено марксизму, ибо только Маркс и Энгельс сумели создать выдерживающее критику учение о формах взаимодействия человека и природы, субъекта и объекта, увидели в общественном производстве наиболее универсальную и сущностную форму связи и единства между ними. Кроме того Маркс и Энгельс рассматривали процесс труда как процесс соединения субъекта с объектом на основе деятельности лишь предметно-чувственной, но не теоретической, как это пытаются доказать идеалисты.

Действительно, на единстве материального, целеположенного действия и деятельности сознания изначально основывается труд и именно так возникает труд — это специфически человеческое отношение к внешнему миру². Конечно, ограничение деятельности теоретической от практической условно, исторично.

¹ С. С. Товмасыан, Труд и техника, Очерки философских проблем, Издательство АН Арм. ССР, Ереван, 1965, 236 стр.

² Интересная идея, что помимо и при решающей роли материально-производствен-

Автор неоднократно подчеркивает это обстоятельство. Однако интересно, что вскрывая сущность труда, его основных компонентов, автор указывает тут же, что разрыв самого единства «действие-мысль» есть следствие первого общественного разделения труда. Эскиз истории труда, который набрасывается на этих же страницах книги, иллюстрирует, как развитие труда имманентно переживает ступени отрицания отрицания. Этот диалектический закон подтверждается тем, что только при коммунизме, в итоге длительного процесса отрицания в развитии теоретического и практического отношения человека к природе, снимается противоречие, которое в ходе истории возникло между практической деятельностью и деятельностью теоретической. Указанием на эту ценную в философском отношении сторону развития (стр. 49) и завершается первая глава книги.

В дальнейшем автор обосновывает тезис о двух формах объективного процесса изменения реального мира — одной как изначальной и естественной, трансформация всех природных форм в которой происходит под воздействием неконтролируемых сил природы, и другой формы, возникшей благодаря появлению человека как человека. В этой второй, принципиально новой форме объективного процесса модификации материальной действительности усматривается очеловеченная природа, охваченная (по выражению Маркса) «пламенем труда».

Автор показывает, что эта вторая форма так же объективна, как и первая, в целом же формообразующие потенции и природы и человеческого труда бесконечны.

Целеполагающая деятельность человека, реализованная в труде, устанавливает, однако, различие между этими двумя формами. И здесь не последнюю, а решающую роль играет то обстоятельство, что естественный процесс (I форма) — это процесс спонтанный, а искусственный (II форма) — только целеположен, поскольку обусловлен целями и потребностями человека и, значит, обусловлен возникновением человека как мыслящего существа.

Сумма познанных природных закономерностей помогла человеку перенять у природы принципы формообразования, стать рядом с природой в качестве специфически социальной преобразующей силы и, наконец, творить целенаправленно, по нужным меркам, говорит автор. В ходе истории пассивное потребление человеком готовых форм постепенно уступает место активному видоизменению и созданию веществ, не имеющих аналогий в природе. Этот процесс углубления целесообразного воздействия человека на исходный материал, как и классификация форм такого воздействия, имеет, помимо теоретико-познавательного значения, еще и методологическое значение. Полемика С. С. Товмасына с рядом авторов по вопросу о классификации весьма содержательна. Читателю импонирует то, что в ходе полемики с другими авторами С. С. Товмасын находит логически верные доказательства того, что классификация должна учитывать и характер процессов по формам движения, и результаты человеческой практической деятельности по видоизменению природы. Без этого — если уж речь идет об историческом аспекте овладения человеком силами природы — не может быть создана «синтетическая и общая картина хода развития второй формы объективного процесса» (стр. 112), подчеркивает автор.

Отдельно заслуживает упоминания четкая постановка вопроса о горизонтальном и вертикальном направлениях в развитии труда, что в первом случае мыслится как охват трудом новых сфер реальностей, во втором — как путь от использования готовых продуктов и природных форм к созданию искусственных форм и процессов, качественно отличных от природы.

Сколь ни сжато дана в книге градация этих двух направлений по этапам их развития и как ни скуп автор в своих исторических экскурсах, ему удается все же под-

ной деятельности понятие труда должно включать в себя также все остальные формы деятельности (материально-практической, научно-теоретической, эстетической, социально-политической), выдвинута автором в работе, опубликованной позднее. См. С. С. Товмасын. К определению понятия «труд», «Вестник общественных наук» АН Арм. ССР, № 7, Ереван, 1966, стр. 89—101.

вести читателя к выводу, что труд, спорадический на низших ступенях цивилизации, со временем расширяет сферу своего приложения, приобретая геологическую и космическую масштабность. Переход человека на уровень способностей создания веществ, не имеющих аналогов в природе, есть, как показано в книге, свидетельство того, что вторая форма со временем станет рядом с первой, т. е. со спонтанно-естественными процессами, а в некоторых отношениях даже превзойдет ее (стр. 113). Такое утверждение делается автором неоднократно (стр. 86 и др.), ибо, по его мнению, тезис о безграничных возможностях человеческой познавательной деятельности должен быть дополнен указанием на то, что «нет процессов и явлений, принципиально недоступных формообразующей деятельности человека, а есть лишь области, пока не вовлеченные в сферу его материально-производственного труда» (стр. 59).

Глубина познания, однако, не влечет за собой непременно и расширения практики. Разве практически творческая деятельность человека не предопределена основными характеристиками природной среды? И разве отмеченные еще Энгельсом «вторичные» и «третичные» последствия «победы человека над природой»³ не говорят о наличии каких-то ограничений для расширения второй формы объективного процесса формообразования?

То, что эта вторая форма расширяется до масштабов первой, автор подтверждает, в частности, ссылкой на В. И. Вернадского (стр. 79), внесшего в науку понятие «ноосферы»⁴.

Идея этого же выдающегося ученого положена сегодня в основу теории, первоначально комплексное освещение которой завершается симптоматически: будущее труда, утверждают последователи В. И. Вернадского, можно рассматривать лишь на основе перспектив «преодоления возникающего в процессе развития взаимоотношения между человеком и природой, противоречия между принципиальной безграничностью... в деле переделки природы и конечностью части космоса, нашей планеты». В силу этих противоречий будущее будет зависеть, в частности, «от регулирования им самим его деятельностью по воздействию на природу, от внесения им самим разумного и планомерно предупредительного начала в эту деятельность»⁵.

Все четыре последующие главы составляют как бы второй раздел книги. В них рассматривается широкий круг вопросов, таких как: формы и пути реализации целей субъекта в его отношении к природе, функция и структура орудия труда, фазы развития техники и качественно-количественные изменения в технике. Автор показывает, что если орудия труда в принципе не отделены от субъекта, его целей и целесообразной деятельности, являющейся воплощением цели, т. е. субъективированной объективностью, то, очевидно, правильнее говорить не об обусловленности орудия целью, а об их взаимобусловленности (стр. 119), более того, прогресс техники может быть понят, если орудия труда рассматриваются в их связи с человеком. Это — первый общий методологический вывод автора, данный им на основе рассмотрения орудия труда как компонента трудового процесса.

Второй такой вывод требует рассмотрения развития орудий труда как процесса перераспределения действующих потенций производства между человеком и орудиями труда. Человек передает функции труда искусственным производящим системам в зависимости от того, на каком уровне развития находятся сами орудия труда. Автор считает, что это же является критерием классификации орудий труда по этапам их исторического развития, почему большое внимание уделяет анализу той специфики, которая отличает соотношение «функция-структура» как в искусственных, так и в естественных производящих системах.

³ См. Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, Госполитиздат, 1950, стр. 140, 141.

⁴ От греч. «ноос» — разум — часть земной коры, которая охвачена коллективным разумом человека.

⁵ См. «Введение в геофизику», под ред. Н. В. Лазарева, «Наука», 1966, стр. 318, 322.

Анализ показывает, что компоненты естественной системы (в противоположность искусственной) лишены связи с целью, тогда как системы искусственные наделены целесообразностью, более того, в них тип функционирования обуславливается характером структуры. Раз это так, то и познание подобных систем должно, естественно, идти от функции к самой системе.

Противопоставление различных точек зрения по этому вопросу со всей убедительностью показывает правоту автора в том, что, лишь осмыслив процесс развития орудий труда с точки зрения функциональной, мы можем понять место и значение структурного их изменения (см. стр. 140).

В обрисовке С. С. Товмасына, домашний и машинный периоды развития техники были двумя историческими этапами, уступившими место современному — этапу автоматизации труда.

Видоизменение орудий труда всегда остается фактом отчуждения одной из функций труда от субъекта (человека) и присвоение ее объективным фактором производства. Это не что иное, как процесс объективации производства (см. стр. 138). Поэтому рассматривать историю развития орудий труда — значит рассматривать собственно историю эмансипации технологического процесса от биологически ограниченных возможностей человека.

Какой период истории цивилизации приходится отнести ко времени, когда человек, эмансипировав себя от выполнения движущей и рабочей функции труда, продолжает все же оставаться главным агентом технологического процесса? Что было причиной этого? Когда именно созрели условия для того, чтобы, благодаря встроенному в производственный агрегат блоку управления отпала, наконец, необходимость непосредственного участия человека в регулярно функционирующем технологическом процессе? И почему, исходя из функционального подхода к анализу орудий труда, Маркс смог доказать, что только с момента автоматизации производственного процесса человек сумеет выключить себя из этого процесса, перестанет быть агентом этого процесса, чтобы стать рядом с этим процессом, — все эти вопросы нашли свое объяснение в обширной шестой главе книги.

В книге «Труд и техника» неоднократно подчеркивается выдающееся значение автоматизации. Автор далек, однако, от того, чтобы преклоняться перед ней как перед новым фетишем, не усматривает в достижениях кибернетики панацею от всяческих зол в жизни общества.

Стремясь лишь к философскому анализу поставленных проблем, автор сумел сохранить в поле своего зрения также и социальный их аспект. Правда, план, который автор избрал для своего исследования, как будто не предусматривал этого, но то немногое, что посвящено в книге социологической характеристике современной научно-технической революции, убеждает нас в том, что автор оставался верным принципу объективного рассмотрения фактов — принципу, очень важному для научного монографического исследования. В частности, автор прямо заявляет о своей солидарности с точкой зрения тех (советских и зарубежных) ученых, которые полагают, что нет границ для приложения средств автоматизации к умственной деятельности человека, но тут же отмечает (стр. 187), что завершение цикла объективации непосредственно производительного труда не будет означать лимитирования развития производительных органов общественного человека.

Техника в своей конечной логике завершит эмансипацию человека как производителя от необходимости прямо и непосредственно участвовать в технологическом процессе и создаст условия, которые будут означать новую эру в человеческой общественной практике. Исчезновение же труда, «этого станового хребта всей жизни человека, означало бы деградацию и исчезновение человека» (стр. 201).

Такой вывод в книге «Труд и техника» звучит веско, тем более, что главы второго раздела книги, в которых подробно рассмотрены основные качественные этапы развития труда («орудие—машина—автомат») убеждают в правильности тезиса о том, что «производственный процесс всегда является человеческим процессом и подчиняется абсолютной формуле: субъект → средство → объект», почему «процесс объективации

производства всегда условен и относителен, означает не разрыв цепи человек → оружие → природа, не превращение производственного процесса в некую мистическую сущность, независимую от человека и его целей, а усложнение, опосредование связи «человек—природа» (стр. 199).

Здесь невозможно рассматривать отдельно те изменения, которые, согласно автору претерпевает абсолютная форма связи человека с природой («субъект—средство—объект»).

Следует отметить, однако, что справедливо расценивая автоматизацию как средство интеллектуализации производственного труда и называя это «технико-организационным базисом классовой интеграции общества» (стр. 207), автор ничего не говорит о сопутствующих этому процессу явлениях. А между тем в марксистской литературе высказывается мнение об особом, «техническом отчуждении», неизбежном при автоматизации труда и в эпоху социализма⁶.

Очевидно также, что дальнейшая работа автора потребует от него большого внимания к новейшим буржуазным теориям, нередко звучащим (по меткому выражению Горького) как «стоны и вопли. Шпенглеров, уstraшенных техникой».

Наконец, следует отметить, что отдельные страницы книги читаются с трудом из-за конспективности изложения (стр. 41, 42 и др.). Вкрались разночтения в сноски (см. стр. 18). На стр. 21 (второй абзац) и 163 (третья строка снизу) из-за некачественной верстки искажены фразы.

Все это, однако, лишь частные моменты оценки рецензируемой книги. В целом же она представляет из себя теоретически зрелую работу, автор которой, опираясь на марксизм-ленинизм, с профессиональным мастерством исследует логику развития труда и техники. Неизменно придерживаясь данных современной науки, проводя скрупулезный анализ поставленных проблем, и, одновременно, шлифуя понятия, которыми приходится оперировать при исследовании, автор с успехом преодолел традиционные рамки анализа, творчески подошел к рассмотрению такой многогранной по существу и кардинальной по значению проблемы, какой является для философии проблема труда.

Рецензируемую работу отличает также то — и это следует подчеркнуть особо, — что она остается оригинальной на фоне все умножающегося числа публикаций по изучению философских и социологических аспектов труда, автоматизации производственных процессов и кибернетики.

Р. Г. НАВАСАРДЯН

⁶ См. Г. Клаус, Кибернетика и философия, перевод с нем. ИЛ, 1963, стр. 478.